

АНАЛИЗ ТЕКСТОВ КОНСТИТУЦИЙ С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИИ

П.Н. Хроменков

Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Россия, 105005
gelieter@gmail.com

Статья посвящена анализу конфликто содержащих элементов текстов преамбул конституций стран мира методом количественного контент-анализа. В статье рассматриваются лексемы, формирующие текст программного характера. Маркируются ценностно насыщенные и ценностно выхоленные конституции. Большинство конституций сообщает о борьбе, ведомой народом, без конкретизации того, против кого она ведется, что законодательно маркировало бы врага и существенно бы усиливало конфронтационные интенции в соответствующем социуме. Выявлена значительная часть конституций, в которых враг номинирован. Также показано, что тексты преамбул конституций стран Восточной и Центральной Азии насыщены конфликтогенными лексемами существенно больше, чем конституции стран Европы, т.е. в сопоставлении конституций по странам с очевидностью обнаруживается их региональная кластеризация. Чаще всего конфликт проецируется на историческое прошлое. Через соответствующий исторический нарратив транслируются, как правило, смыслы борьбы прежних поколений за государственную суверенность. Лишь небольшая часть конституций говорит о конфликте в применении к настоящему времени, а некоторые — даже к будущему. Две основные представляемые и закреплённые вербально в преамбулах конституций формы конфликта — война и революция. Выявлено, что преамбулы конституций несвободны от эмотивности, образности, метафоричности. Прослеживается определенная корреляция между идеологичностью конституции и ее конфликтогенностью.

Ключевые слова: конституция, конфликт, контент-анализ, конфликтогенный.

Конституция, как основной закон страны, должна быть по логике предельно корректна и юридически точна в выдвигаемых формулировках. Конфликто содержащие лексемы в ней, казалось бы, недопустимы. Текст конституции с такими лексемами априори программировал бы конфликт. Однако анализ вербального компонента текстов ряда конституций мира показывает широкое распространение этого явления, целевым образом отражающего ту или иную конфликтную парадигму.

Изучение текстов конституций путем применения методики частотного контент-анализа предпринимается отечественными исследователями не впервые. Пионерской работой в этом отношении являлось исследование Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, посвященное выявлению ценностных компонент конституций. Результатом его было доказательство ценностной ориентированности и идеологичности подавляющего большинства конституционных текстов. Российская Конституция, согласно полученным авторами расчетам частоты употребления ценностно содержащих лексем, классифицировалась как ценностно выхоленная. Это побудило авторский коллектив представить разработку научного макета новой Конституции России [3].

Однако сама по себе ценностная концентрированность конституций не является залогом успешности государства. Она может быть и мобилизатором социума на свершения, и источником чреватой катастрофическими последствиями внутренней и внешней конфронтации.

Выдвигаемые ценности часто конфликтны и могут отрицаться частью социума. Ценностная перегруженность конституций в этом отношении также опасна, как и ценностная выхолощенность. Использование методики частотного контент-анализа для исследования конфликто содержащих лексических компонентов текстов конституций позволяет объективно оценить эти тексты по разным параметрам.

Тексты конституций, как было показано в исследовании Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, бывают двух типов — юридизированные и жизнеустроительные [3]. В конституциях первого типа ценностные категории не используются. Соответственно, эта группа конституций в предлагаемом анализе не рассматривалась. Таким образом, анализ ограничивается конституциями жизнеустроительного типа.

Как правило, ценности, а соответственно и конфликто содержащие лексемы, концентрируются в преамбулах конституционных текстов. В целях корректности сравнения для проведения контент-анализа были взяты именно тексты конституционных преамбул. Конституции, не содержащие преамбул, также исключались из анализа.

В нашем распоряжении имелись тексты всех конституций Европы и Азии, нескольких конституций Африки и Америки [1; 2]. Всего из их числа было выявлено 45 конституций, имеющих в преамбулах конфликто содержащие лексемы. Это составило 70,3% всех включенных в круг анализа конституций. Следовательно, речь идет не об экзотических исключениях, а доминирующей традиции.

На первом этапе проводимого анализа все конфликто содержащие лексемы были подвергнуты квантификации. Данная операция позволила далее использовать методику расчета частотности лексем в сопоставлении по странам и семантическому наполнению лексем.

В сопоставлении конституций по странам с очевидностью обнаруживается их региональная кластеризация. Для конституций европейских государств наличие конфликто содержащих лексем не характерно. Преамбулы их конституций составлены в духе предельной политкорректности. Неконфликтными являются и конституции бывших республик СССР. Напротив, в конституциях государств Востока, как правило, широко развернута тема конфликта.

Среди европейских конституций существуют и некоторые исключения. Они относятся в основном к конституциям стран, находящихся на периферии Европы. Так, в преамбуле Конституции Ирландии проводится апелляция к «столетиям испытаний» и «непрестанной борьбе» предков за восстановление независимости ирландского народа [1]. О «вековой борьбе за национальную и социальную свободу» сообщает Конституция Македонии. «О столетнем опыте борьбы за национальное бытие и собственную государственность» — Конституция Словакии.

Словенская конституция обосновывает провозглашение суверенитета Словении прецедентами грубых нарушений «прав человека, национальных прав, прав республик и автономных краев», имевших место в СФРЮ [1]. Более всего из конституций европейских государств содержат конфликтосодержащие лексемы конституции Португалии, Хорватии и Польши. Португальская конституция обращается к истории революционного свержения фашистского режима в 1974 г. Хорватская конституция представляет череду государственных воплощений Хорватии, не единожды сопряженных с военными конфликтами. Среди них и война 1991—1995 гг. Она определяется хорватской конституцией как «Отечественная». Конституция Польши сообщает об «огромных жертвах», которые понес польский народ в борьбе за независимость. Слова из преамбулы польской конституции — «памятуя о горьком опыте времен, когда основные свободы и права человека были в нашей Отчизне попораны» [1], не номинируют, но подразумевают того врага, который попорал эти права и свободы.

Бесконфликтность Конституции Российской Федерации диссонирует с лексической традицией советского конституционного законодательства. Конфликтосодержащие лексемы Конституции СССР 1977 г. были сгруппированы по трем историческим блокам — Октябрьская революция, гражданская война, Великая отечественная война. В ней использовались отсутствующие в других конституциях лексемы — «классовые антагонизмы», «национальная вражда», «империалистическая интервенция», «капиталисты», «оковы угнетения». Характерно употребление глаголов — «свергла», «разбила». Дважды употребляется понятие «диктатура пролетариата» [1].

Чаще всего конфликт проецируется на историческое прошлое. Через соответствующий исторический нарратив транслируется, как правило, смысл борьбы прежних поколений за государственную суверенность. Лишь небольшая часть конституций говорит о конфликте в применении к настоящему времени, а некоторые — даже к будущему. Так, в принятой в 2012 г. новой сирийской конституции нашла отражение современная борьба в Сирии и определенно заявлена конфликтная парадигма. Сирийское государство определяется в ней «передовой конфронтации с сионистским врагом и колыбелью сопротивления против колониальной гегемонии в арабском мире». Формулируются прямые претензии к Израилю. Конституция заявляет о существовании оккупированных территорий и ставит задачу их освобождения [2].

В Конституции Китая заявляется о грядущей борьбе китайского народа. Указывается причем, что эта борьба будет вестись против внутренних и внешних сил и носить классовый характер. Приводимый фрагмент китайской конституции созвучен риторике прежних советских конституций: «В нашей стране эксплуататоры как класс уже ликвидированы, однако классовая борьба в определенных рамках будет существовать еще в течение длительного времени. Китайский народ должен будет вести борьбу против внутренних и внешних вражеских сил и элементов, которые подрывают наш социалистический строй» [2]. Между тем действующая Конституция КНР была принята в 1982 г. Вносимые в нее поправки

1988, 1993 и 1999 г. содержание преамбулы не изменили. Есть в Конституции КНР и конкретная геополитическая задача — присоединение Тайваня. Содействие решению этой задачи определяется как «священный долг» каждого китайца.

Две основные представляемые в преамбулах конституций формы конфликта — война и революция. В алжирской конституции указывается на войну двух типов — «колониальную» и «народную». Дважды повторяется слово «сражение». История Алжира раскрывается как «длинная цепь сражений за свою независимость» [2].

Конституция Вьетнама апеллирует к победам над агрессорами в двух конкретных войнах — против Франции (первая индокитайская) и против США (вторая индокитайская). Более того, в ней названы две особо успешные боевые операции — битва при Дьёфенбу 1954 г. и хошиминское наступление 1975 г. [2].

Иранская конституция дает даже некоторые образные характеристики ведомой борьбы. Стоит отметить, что эти образы помещены в текст, обладающий статусом законодательного документа. Один из образов — «женщина с ребенком на руках бежит на поле битвы с режимом, где на нее нацелены дула пулеметов» [2]. Для иранской конституции характерен в целом язык метафор — «взрыв народного негодования», «вулкан народного гнева» [2].

Конституция Афганистана — единственная среди проанализированных конституций стран исламского мира наряду с Конституцией Ирана открыто утверждает законность «джихада». Связанное с существительным «джихад» прилагательное «справедливый» несущественно изменяет смысл проводимой легитимизации. В одном только предложении: «Признавая жертвы и исторические сражения, справедливый Джихад и законное сопротивление всего народа Афганистана, уважая высокое положение мучеников за свободу Афганистана» [2], — содержится сразу 5 конфликтосодержащих лексем.

Революции утверждают новое суверенное государственное устройство. В соответствии с этой логикой требуется создать негативный образ свергнутого революцией режима. Отсюда широкая представленность в значительной части конституций конфликтосодержащих лексем соответствующей семантической группы.

В афганской конституции прошлое Афганистана наделяется следующими характеристиками — «несправедливость», «недостатки», «многочисленные беды», «притеснения», «жестокость», «дискриминация», «насилие».

Особый формат имеет преамбула новой постадамовской Конституции Ирака. В ней приводится развернутый для конституционных текстов перечень обвинений, предъявляемых к режиму Саддама Хусейна: «...потрясенные несправедливыми действиями в священных городах и на юге страны в ходе народного восстания, испытывая глубокую скорбь в связи с массовыми убийствами в Дуджайле и других городах; помня о взрыве насилия и репрессиях во время массовых убийств в городах Халабаджа, Бар-зан и Анфал и о насилии против курдов в городе Фейли; потрясенные трагедиями туркоманов в Башире и других районах Ирака, страданиями жителей западных регионов страны, чьи лидеры и вожди были убиты,

символы уничтожены, представители интеллигенции изгнаны, — именно поэтому мы стремились рука об руку, плечом к плечу создать новый Ирак, Ирак будущего, свободный от фанатизма, расизма, местничества, дискриминации и изоляции» [2]. В одном только приведенном фрагменте оказалось концентрировано 19 конфликтосодержащих лексем. Низвергнутый режим характеризуется иракской конституцией в качестве «деспотической и фанатической клики». Только в преамбуле Конституции Ирака встречаются такие лексеммы, как «терроризм» и «такфир» («обвинение в неверии»).

Иранская конституция использует по отношению к низвергнутому исламской революцией шахскому режиму термины «тирания» и «деспотия». Подчеркивается, что деспотия имела как социальное, так и духовное проявление. Развивается тема внешней несuverенности шахского режима, выражаемая в лексемах «капитуляция» и «иностранный господство». Социальный аспект конфликта проявляется в дихотомии «угнетатели» — «угнетенные».

Слово «революция» и производные от него используются в преамбуле Конституции Ирана 22 раза. Это самый высокий показатель использования данной лексеммы среди конституций стран мира. Столь высокая частотность использования слова «революция» заставляет поставить под сомнение правильность распространенного взгляда на современный Иран как на законсервированное, жестко придержающееся традиций (даже — обскурантистское) государство.

Для сравнения — в сопоставимой по объему преамбуле Конституции КНР слово «революция» употребляется 6 раз. Из конфликтосодержащих лексем наиболее употребляемая — «борьба» (11 раз).

Конституция КНР заявляет приверженность коммунистической идеологии. Переключкой с марксизмом объясняется использование в ней имеющую значительную конфликтную нагрузку понятия «диктатура пролетариата». Из этого же идеологического арсенала был взята и другая конфликтосодержащая лексема — «эксплуатация человека человеком» [2]. Слово «эксплуатация» содержится также в преамбуле («Конституционной декларации») Конституции Египта. Она принималась в 1971 г., будучи соотнесена с контекстом идеологии арабского социализма [4]

По частоте употребления в преамбуле конституции слова «революция» вторую позицию после Ирана, что было ожидаемо, заняла Куба — 6 раз. Революционная риторика кубинской конституции четко выстраивается под целевой ориентир построения коммунизма: «...вести дальше победоносную Революцию Монкады и „Гранмы“, Сьерры и Хирона, возглавляемую Фиделем Кастро, которая, опираясь на самое тесное единство всех революционных сил и народа, завоевала полную национальную независимость, установила Революционную власть, осуществила демократические преобразования, начала строительство социализма и продолжает его во главе с Коммунистической партией с целью построения коммунистического общества» [5].

Как и Конституция КНР, кубинская Конституция использует марксистскую по генезису лексему «эксплуатация человека человеком». Более того, она идет

далее, поясняя, что любой строй, основанный на эксплуатации человека человеком, означает унижение эксплуатируемых и моральную деградацию эксплуататоров.

Лаосская конституция использует по отношению к колониальному режиму метафору «ярмо превосходства». Конституция Туниса говорит о борьбе тунисского народа против «иностранный владычества», «тирании», «эксплуатации» и «реакции». Конституция Японии провозглашает как целевой ориентир уничтожение тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. При этом указывается, что ставится цель уничтожить их навсегда в рамках не только Японии, но всего Земного шара [2].

Мифология конфликта предполагает использование образа жертв и героев. Допустим ли такой подход в конституционных текстах? Обнаруживается, что многие конституции активно к ним обращаются. В Конституции Бангладеш говорится о высоких идеалах, вдохновляющих воинов на жертвы. Конституция Алжира сообщает, что в борьбе за независимость «погибли лучшие сыны отечества».

Образ героя представлен в Конституции Ирана фигурой шахида. Имеются прецеденты указания в качестве героев на исторические личности. Такой перечень героев-революционеров представляет, в частности, Конституция Кубы. Преамбула Конституции КНДР сосредоточена вокруг фигуры Ким Ир Сена. Военный аспект деятельности северокорейского национального лидера определяется характеристикой — «всепобеждающий стальной полководец» [2].

Большинство конституций сообщает о борьбе, ведомой народом, без конкретизации того, против кого она ведется. Понятно, что законодательная конкретизация врага существенно бы усиливала конфронтационные интенции в соответствующем социуме.

Однако есть и значительная часть конституций, в которых враг номинирован. Чаще всего он выступает под маркерами колониализма и империализма. Сравнительно частое употребление термина «колониализм» объясняется тем обстоятельством, что суверенитет государств третьего мира был достигнут в результате антиколониальных выступлений.

Термин «империализм» не имеет широкой представленности в современном политическом лексиконе. Его распространение связывалось в свое время с ленинской теорией империализма как высшей стадии капитализма. Советское идеологическое влияние на словарный состав ряда конституций стран мира очевидно.

В китайской Конституции в один ряд с колониализмом и империализмом поставлен «гегемонизм». Под гегемонистами в Китае периода написания Конституции 1982 г. подразумевались США и СССР. Заявлялось намерение КНР поддерживать справедливую борьбу угнетенных наций во всем мире. Внутренними враждебными идеологическими проявлениями определялись «великоханьский шовинизм» и «местный национализм» [2].

Лаосская конституция говорит о борьбе с феодализмом. В Конституции Кубы провозглашается борьба против всех трех исторических моделей (формаций), связанных с эксплуатацией человека и выражаемых, соответственно, в институтах «рабства, крепостничества и капитализма». Реминисценция антифашистской борьбы содержится в конституциях Португалии и Сан-Марино. Конституция Сан-

Марино заявляет также о принципиальном отказе от любой системы тоталитаризма. Уникальна по номинации своего врага Конституция Сирии, провозглашающая борьбу против сионизма.

Иностранные государства в качестве врага, как правило, не определяются. Такое определение было бы весьма близко объявлению войны. Поэтому, например, Конституция Вьетнама, сообщая о конкретных войнах и битвах, непосредственных врагов так и не называет. Однако такой запрет не имеет общего характера. Превосходит всех по своей прямоте в определении вражеской стороны Конституция Ирана. В ней, в частности, утверждается о существовании американского заговора.

В процессе анализа рассматривалась также тенденция повышения частотности конфликтных лексем в конституционных текстах по странам мира. Такая тенденция наглядно обнаруживается при построении рейтинга конфликтогенности конституций. С большим отрывом от всех лидирует Иран. Вторую и третью строчку занимают конституции Китая и Кубы. Наиболее конфликтогенными оказываются, таким образом, конституции государств, тяготеющих к идеократии, или теократии. Прослеживается определенная корреляция между идеологичностью конституции и ее конфликтогенностью.

Полученный вывод не означает отрицания значимости идеологии. Но он служит указанием на то, что идеологическое строительство лингвистически сопряжено с лексикой конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Конституции государств Европы: в 3 т. / Под общ. ред. Л.А. Окунькова. М.: Норма, 2001.
- [2] Конституции государств Азии: в 3 т. / Под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Норма, 2010.
- [3] Научный макет новой Конституции России. М.: Научный эксперт, 2011.
- [4] Pratt N. *Democracy & Authoritarianism in the Arab World*, Colorado: Lynne, 2007.
- [5] URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=50>.

ANALYSIS OF THE CONSTITUTIONS TEXTS FROM THE LINGVOCONFLICTOLOGY POSITIONS

P.N. Khromenkov

Moscow State Regional University
Radio str., 10a, Moscow, Russia, 105005
geleiter@gmail.com

The article is devoted to the analysis of conflictogenous elements of Constitutions preambles of the countries of the world by a method of the quantitative content — analysis. In the article the lexemes forming the text of program character are examined. There are marked value sated and value emasculated Constitutions. The majority of constitutions informs on the struggle conducted by people, without

a concrete definition of against whom it is conducted, that legislatively would mark the enemy and essentially would strengthen confrontational intentions in corresponding society. The significant part of constitutions in which the enemy is nominated is revealed. Also it is shown, that texts of constitutions preambles of the countries of East and Central Asia are sated with conflictogenous lexemes essentially more, than constitutions of European countries, i. e. in comparison of constitutions on the countries with evidence it is found out their regional clusterization. More often the conflict is projected on the historical past. Through corresponding historical narrative senses of struggle of former generations for the state sovereignty are broadcast, as a rule. Only small part of constitutions speaks about the conflict in application by present time, and the some even to the future. Two basic points represented and fixed verbally in preambles of constitutions of the form of the conflict are war and revolution. It is revealed, that preambles of constitutions are not free from emotivity, figurativeness, metaphors. The certain correlation between ideology of the constitutions and it conflictogenity is traced.

Key words: constitution, conflict, content-analysis, conflictogenous.

REFERENCES

- [1] Konstitutsii gosudarstv Evropy: V 3 tt. / Pod obsch. red. L.A. Okunkova. M.: Norma, 2001.
- [2] Konstitutsii gosudarstv Asii: V 3 tt. / Pod obsch. red T.Ya. Khabriyevoy. M.: Norma, 2010.
- [3] Nauchny maket novoy Konstitutsii Rossii. M.: Nauchny ekspert, 2011.
- [4] Pratt N. Democracy and Authoritarianism in the Arab World. Colorado: Lynne, 2007.
- [5] URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=50>.